

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 52

1981

Алексей НЕДОГОНОВ

СОЛДАТАМ БОЛЬШОГО МУЖЕСТВА

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 52

Алексей НЕДОГОНОВ

СОЛДАТАМ БОЛЬШОГО МУЖЕСТВА

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»

1981

Алексей НЕДОГОНОВ

Русский поэт Алексей Иванович Недогонов родился 19 октября (1 ноября) 1914 года в городе Шахты Ростовской области.

Недогонов — участник войны с белофиннами и Великой Отечественной войны. В 1942 году на фронте вступил в КПСС. Был награжден орденами Отечественной войны и Красной Звезды.

Принимал участие в Первом Всесоюзном совещании молодых писателей.

Жизнь Недогонова оборвалась 13 марта 1948 года в результате несчастного случая, когда поэт был в полном расцвете творческих сил, когда ему не исполнилось еще и тридцати четырех лет.

Стихи Недогонова и его поэма «Флаг над сельсоветом», посмертно удостоенная Государственной премии СССР, издавались неоднократно и вошли в золотой фонд советской литературы.

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился я в семье рабочего в 1914 году. Отец работал кузнецом на руднике. В 1918 году погиб на фронте.

На производстве я с пятнадцати лет. Работал плотником, крепыльщиком, ремонтником, врубмашинистом.

В Москве с 1932 года. Учился в семилетке, горнопромышленном училище, на рабфаке, в Литературном институте.

В Красной Армии был с 1939 года до мая 1946 года.

В финскую кампанию служил рядовым бойцом. В дни штурма Выборга был тяжело ранен. В Отечественную войну работал специальным корреспондентом армейской, затем фронтовой газеты «Советский воин» (3-й Украинский фронт).

Литературным трудом начал заниматься с 1938 года. Первую же стихотворную строку написал восьми лет.

До четырнадцати лет я путал зоологию с ботаникой, играл в лапту, гонял голубей, убегал — сколько раз! — из дому. С 1929 года работал на шахте.

Раннее увлечение Некрасовым и Надсоном наложило свой отпечаток на мои первые стихи. Только непосредственное общение с людьми двух последних войн помогло мне отойти от надсоновских мотивов и настроений.

За две войны, которые я прошел как солдат и журналист, мне пришлось ступить на землю восьми государств. Много я пережил, видел и слышал. О многом буду писать. Но больше всего — о главном: о человеке, о нашем советском, умном и храбром, дерзком и выносливом, сильном, безропотном и бессмертном солдате.

Алексей НЕДОГОНОВ.

1947 год.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Черная судьба моих отцов
прямо начинается от бога.
По путям разбуженных ветров
ты ушла, слепа и босонога,
от любви,
от жизни,
от людей
в тяжкие потемки — без возврата —
праведным носителем идей
рыжего Никиты Пустосвята.
Это все — трагедия твоя.
И, живя за склонами Урала,
ты слагала песни про края,
где твоя весна не умирала.
Кто она? Кому она сродни?

...Воды протекли.
Встают в тумане
желтые сивушные огни.
Песни о Степане-атамане.
Заговоры.
Лобные места.
Царские парады.
Эшафоты.
Золото священного креста
и орлов недвижные полеты.

Так туман сгущается,
и в нем,
растеряв пути свои косые,
подвигами,
войнами,
огнем
бредит деревянная Россия.
Но в ответ из вытравленной мглы

только вой полуночного волка...
— Где твои двуглавые орлы?
— Где твоя тупая треуголка?

...Осень.
(И ленинская рука —
над башней броневика!)

Снова воды утекли в моря;
и передо мною, увядая,
встала родословная моя —
стреляная,
битая,
худая,
бородой поросшая,
в дыму,
вышла на дорогу — на прямую...

Что от родословной я приму?
Что для светлой радости приму я?

Я приму лишь только цвет крови,
только силу,
только звезды мира.
— Ты меня на битву позови,—
это будет именно для мира.
Я возьму товарищей,
свинца,
хлеба фунт
и песенку поэта.
У моих товарищей сердца —
из железа,
радости и света.
Мы возьмем свое наверняка!
Мы пройдем
с большим огнем заряда
по путям последнего парада!

Дайте башню для броневика!
Возникайте, бури,
если надо!

1934 г.

ВОРОБЕЙ

В моих руках барахтался комок
живого тельца.
Он продрог, промок —
его всю ночь морозом донимало.
Он вырваться пытался,
но не мог,
хотел ударить клювом —
силы мало.

Я в домик внес его
и положил
на стол. И твердо счел его спасенным.
Из пехотинцев каждый дорожил
его дыханьем, крошечным
и учащенным.

Они, под крылья ватки подложив,
заботливо платочком накрывали.
Потом решили:
— Выживет едва ли...
Но воробей настойчив был:
— Жив, жив...

Придет стрелок с разведки —
мы навстречу
с вопросами:
— Ну как? —
И в шутку: — Жив?
А воробей опережает:
— Жив...
Он понимает шутку человечью.

Так время шло.
Покой сердца знобил.
— Пожалуй, этак зиму прозимуем...
Но днем пришел приказ.
Он краток был:
«Сегодня ночью высоту штурмуем».

Закат сквозь окна
красный свет сочил,
а он,
довольный новой судьбою,

о грань штыка
спокойно клюв точил,
как будто приготавливался к бою.

Перкьярви, 1939 г.

УТВЕРЖДЕНИЕ

А бывает так, что ты в пути
загрустишь.
И места не найти
в этом —
набок сбитом — захолустье.
На войне попробуй не грусти —
обретишь ли мужество без грусти?

Это чувство в нас живет давно,
это им рассыпаны щедроты
подвигов.
И верю я — оно
штурмом брало крепости и доты.

Видел я:
казалось, беззащитный,
но в снегу неуязвим и скор,
по-пластунски полз вперед сапер
к амбразурам
с шашкой динамитной.

Ветер пел:
«Пробейся, доползи!»
Снег шуршал:
«Перенеси усталость!»

Дотянулся.
Дот зловец вблизи —
пять шагов до выступов осталось.

Понял:
этот холм, что недалеч,
как бы там судьба ни обернулась,
нужно сбить.
Придется многим лечь.
И саперу, может быть, взгрустнулось.

К вечеру,
когда была взята
с гулким казематом высота,
мы его нашли среди обломков.
Он лежал в глухом траншейном рву
мертвой головою —
на Москву,
сердцем отгремевшим —
на потомков.

Песня забегает наперед,
что напрасно мать-старушка ждет...

Значит, память подвигом жива!

В суতোлке фронтовой, военной
эти недопетые слова
стали мне дороже всей вселенной.

И в часы,
когда душа в долгу,
в праздники,
когда поет фанфара,
песенку про гибель кочегара
равнодушно слушать не могу.

Финляндия, 1940 г.

ЕВРОПА

Еще томятся матери и дети
в напрасном ожидании отцов.
Они не лгут, что света нет на свете,
что мир ужасен — душен и свинцов.
Гуляет в странах, вырвавшись из плена,
драконом бронированным война.
И вздрагивает слава Карфагена,
когда, пред сталью преклонив колена,
мрут города и гибнут племена.
Солдаты умирают на рассвете
за тыщи верст от крова и семьи.
Томятся дома матери и дети,
гремят в Восточной Африке бои.

И где-то там под солнцем полуденным,
ад проходя и бредя словом «рай»,
худой солдат, в походах изнуренный,
сорвал кольцо
с гранаты незначай.
Осколочная сила просвистела!..
Идут солдаты Африкой тоски.
Лежит в пустыне взорванное тело.
Его заносят жгучие пески.
И вот сейчас, когда легко солдату
лежать в песках, освистанных свинцом,
Европа мне напомнила
гранату
со снятым
неожиданно
кольцом!

1941 г., канун войны.

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Роса еще дремала на лафете,
когда под громом дрогнул Измаил:
трубач полка —
у штаба —
на рассвете
в холодный горн тревогу затрубил.

Набата звук,
кинжальный, резкий, плотный,
летел к Одессе,
за Троянов вал,
как будто он не гарнизон пехотный,
а всю Россию к бою поднимал!

1941 г.

ТЕПЛО

Погода
не сыра
и не простудна.
Она, как жизнь,
вошла и в кровь
и в плоть.
Стоял такой мороз,

что было трудно
штыком буханку хлеба расколоть.

Кто был на фронте.
тот видал не раз,
как следом за транссирующим блеском —
в знобящей мгле над мрачным перелеском —
летел щегол,
от счастья пучеглаз.

Что нужно птице, пуле вслед летящей?
Тепла на миг?

Ей нужен прочный кров.

А мне довольно пары теплых слов,
чтобы согреться в стуже ледящей.

1941 г.

СЕСТРЕ ВАЛЕНТИНЕ

Не обижайся. Ведь само
письмо на родину не пишется.
Я б написал тебе письмо,
да что-то снова пушки слышатся.

Мгновенья малого в бою
себе не выкрою по выбору;
я здесь по горло устаю
и — веришь — времени не выберу.

То переходы, то бои,
то отступление это чертово,
то непросохшие слои
блокнота моего потертого.

А тут еще снега с дождем.
От ППС — тропа завьюжена...
От вас мы тоже писем ждем,
как дети — праздничного ужина,

который близок и далек,
как в зимний день ночлег для странника,
как тусклый звездный огонек,
как запах вяземского пряника.

Тревог немало в наши дни.
И все догадки о превратностях

в семействе маленьком — одни
по меньшей мере неприятности.

Пиши. И жди меня в ответ.
И верь, что наша встреча сбудется.
А то, что писем долго нет,
так тут виной всему распутица.

Район Изюма, 1943 г.

МОИ СЫНОВЬЯ

Есть сыновья у меня, друзья,
славные сыновья!
Один — Александр,
Владимир — другой,
и каждый — мой дорогой...

Владимиру — семь,
Александру — пять.
Дружно живут они:
дерутся, ссорятся и опять
мирятся. Учатся рисовать.
Так напролет все дни.

Володька — тот понимает бой.
Рисует ежели самолет,
то обязательно со звездой
и непременно звездой вперед.

Фриц получается у него
весь в крестах,
угловатый, злой,
с волчьей мертвой головой
и обязательно неживой.

Танки, орудия — все в дыму.
Точно. Как на войне.
Пишет: «Папочке моему» —
и отправляет рисунки мне.

Есть фотография у меня,
на карточке вся семья
(фото арбатское): сыновья,
жена, посредине — я.

Я ношу ее на войне,
чувствую, коль взгляну,—
сразу становится легче мне
переносить войну.

Тружусь я здесь, чтоб скорей разбить
врага. Чтобы скорее к ним —
к золотым сыновьям своим...
Ветром боя вперед гоним,
я их спешу любить.

Любить,
чтоб когда-нибудь в тишине
им, не уставшим ждать,
сказку страшную о войне
шепотом рассказать.

Гвардейцы!
Друзья мои по ружью!
У всех вас есть сыновья.
И каждый любит свою семью,
наверное, так, как я.

Мы связаны с вами одной судьбой,
мы к детям рвемся.
Но рядом бой.

Нужно кончать его. Поскорей.
Нужно фашиста с землей сровнять,
чтоб неожиданно
у дверей,
как маленьких мучеников,
сыновей,
своих
золотых сыновей обнять.

Днепр, апрель 1944 г.

ТАЙНА

1

Ничего от меня не таи,
посвяти меня в тайны свои.

Расскажи мне в письме обо всем:
что ты думаешь, чем ты живешь,

кто стучится в твой низенький дом
и кого ты негаданно ждешь?

Если ты по случайной вине
не решишься мне тайны открыть,
я, разлуку ревнуя к войне,
в одиночестве буду ходить.

Посвяти меня в тайны свои,
ничего от меня не таи.

2

Если б мир через руки мои
проходил, как испытанный друг,
и неведение для семьи
обернулось бы зеркалом вдруг,
ты б увидела молний клинки,
орудийные вспышки во мгле
и меня на военной земле
у могучей славянской реки.

Зубы стиснув, я все выносил —
и огонь и тоску по тебе;
ты была мне опорой в борьбе
и незримым источником сил.
Лишь тогда ты могла бы понять,
по исчезнувшей тайне скорбя,
как я долго не мог умирать
ради Родины, ради тебя.

Словно в панциря жесткой броне,
я любимым ходил на войне.
Ты забыла — и в страшном огне
ливни пуль устремились ко мне.

Но пока они где-то в пути
и мгновенья пока впереди,
поспеш, поспеш, поспеш,
солнцем сердца мой мрак освети
и свинец в зашипевшей тиши
от меня, от себя отведи!

3

Ты спасла меня. Слава тебе!
Коль случится мне быть одному,
за победу — в случайной избе —

первый ковш за тебя подниму;
за тебя, возвращенье мое,
да святится имя твое!

Вот и все. Я не ведаю мук.
Но в бою, где мы честью живем,
расстояния долгих разлук
мы с неверием тайной зовем.

И не тайной. А больше судьбой:
той, что все-таки зла, но тепла...
Будь же тайной, но только такой,
чтоб разлука святою была!

Днестр, 1944 г.

ВЕСНА НА СТАРОЙ ГРАНИЦЕ

Александр Лильеру

В лицо солдату дул низовый,
взор промывала темнота,
и горизонт
на бирюзовый
и розовый менял цвета.

Передрассветный час атаки.
Почти у самого плеча
Звезда мигала, как во мраке
недогоревшая свеча.

И в сумраке, не огибая
готовой зареветь земли,
метели клином вышибая,
на Каму плыли журавли.

Сейчас рассвет на Каме перист,
лучист и чист реки поток,
в ее низовьях — щучий нерест,
в лесах — тетеревиный ток.

Солдат изведal пулевые,
веселым сердцем рисковал,
тоски не знал, а тут впервые,
как девочка, затосковал.

Ему б вослед за журавлями —
но только так, чтобы успеть,
шумя упругими крылами,
к началу боя прилететь...

Возникнуть тут, чтоб отделение
и не могло подозревать,
что до начала наступленья
солдат сумел одно мгновенье
на милой Каме побывать...

Вдруг — словно лезвие кинжала:
вдоль задремавшего ствола
мышь полевая пробежала,
потом рукав переползла.

Потом... свистка оповещение.
Потом ударил с двух сторон
уральский бог землетрясения —
стальных кровей дивизион!

Взглянул солдат вокруг окопа:
в траве земля,
в дыму трава.
Пред гребнем бруствера —
Европа,
за гранью траверса —
Москва!

1944 г.

БАЛЛАДА О ЖЕЛЕЗЕ

Говорят, что любой человек
состоит из воды и металла:
девяносто процентов воды,
остальное — огонь и металл.
Нет, не выдумка то.
Мне душою кривить не пристало,
сознаюсь —
я действительно где-то об этом читал.

Но не верить не грех мне
сухим кабинетным наукам.

Я по выкладкам, формулам,
честное слово, совсем не мастак.
Я б советовал нашим
еще не родившимся внукам
о проценте железа судить
в человеке
вот так...

...Если Францию
некогда
била в упор митральеза,
а народ, чтобы жить,
воскресал, выживал, выносил,—
значит, весь человек
состоял из такого железа,
что его даже смерть,
чтоб сразить,
выбивалась из сил.

Если злая беда
над Россией веками витала,
если русский народ
не поник под железной пятой,
значит, наш человек
состоит из такого металла,
в поединке с которым
не выдержит сплав золотой.

Мир стоит на железе,
да будет такое от века!
На полях отгремевших боев
тишина непривычно гудит,
и степным императором
с профилем древнего грека
на поверженном танке немецком
черный ворон спокойно сидит.

Мир к железу привык.
Он на глине был жалок и ветох.
Государство растений
живет под железным жезлом:
я видал, как фиалки
под солнцем цветут на лафетах
запыленных немецких орудий
в степи под Орлом.

Беспощадным железом
покой человека изрезан,
но никто из людей
раньше времени не умирал...
По долинам России
прошло испытание железом:
против сталелитейного Рура
мы выставили Урал.

Не окончен поход.
Мы оружие гладим руками
и читаем в теплушках
железных законов устав.
Воздух бредит железом.
Грохочет на запад с войсками
по железной дороге
железнодорожный состав.

Счета нет на переднем
случайным погибельным безднам:
словно адская кузня,
грохочут железо и медь.
Мне пушкарь Железняк говорил:
— Ерунда! В этом громе железном
просто-напросто нужно
железные нервы иметь.

...Как давно мы не спали
в спокойном родительском доме!
Как мы трудимся долго
на огневой полосе!
Мы по женам тоскуем.
Тоскует зерно в черноземе
по дождям проливным,
и тоскует трава по косе...

Мы победу возьмем
в молодые солдатские руки.
Нас немецкая сталь не дойма —
мы покрепче ее на войне!
Пусть со мной согласятся
мужи первоклассной науки:
девяносто —
не десять — процентов железа во мне.

Я бы всю родословную —
внуков и правнуков — отдал,
я пошел бы на то,
чтоб при всех
под сияньем светил
из меня златоустинский мастер
снаряды сработал
и чтоб их Железняк
в ненавистный Берлин вколотил!

1944 г.

СОЛДАТАМ БОЛЬШОГО МУЖЕСТВА

Снега и пыль дорог и расстояний!
За нашу спиною — солдатской славы след...
Трехлетний стаж тяжелых испытаний
зачтется нам за тридцать добрых лет.

Мы выросли, окрепли, возмужали;
наш ратный труд вовеки не умрет;
большое наше мужество войдет
в истории великие скрижали.

За орудийным громом, минным боем
мы вырвемся просторами долин
к Германии. И станет нам Берлин
передним краем и последним боем!

21 июня 1944 г.

БАЛЛАДА О ПОЗЫВНЫХ

Плацдарм за Изюмом
в земле молчал.
На командном пункте
дежурный боец
охрипшим голосом
в трубку кричал:
— Днепр! Днепр!
Говорит Донец!
Гри дня не смыкали
живые
глаз;

на переднем
спали одни мертвецы.
Земля как будто вся
поднялась:
в Днепропетровск
вступили бойцы.

...Зима. Каганец.
В блиндаже серо.
Зуммер не слышен
сквозь вьюги свист.

— Днестр! Днестр!
Говорит Днипро!
(Тот же самый телефонист.)

...По горло в грязи.
Наступление шло.
И вот —
на солдатский сон и штыки
сады Заднестровья
сквозь звезд тепло
уронили майские лепестки.

В знойный поход
шел батальон:
был в движении
передний край.
Телефонист кричал в микрофон:
— Дунай! Дунай!
Дайте Дунай!

...У дунайского гирля
я видел его,
в плавнях Тульчи,
над мертвой водой.
Немец
железом целил в него —
адская кузня ковала бой.

Бойцу было радостно
и тяжело
от ревающих
рядом с ним батарей,
но он во все горло
черту назло
кричал в микрофон:

— Вызывай Рейн!
Срочно Рейн! Время не ждет!..

Рассвет занимался.
Потом с утра —
сильное, хриплое слово:
— Вперед!—
И до Карпат
покатилось «ура».

Я знал: до черных
берлинских ворот,
этапами тяжких боев речных,
сквозь шнур,
сквозь юность и кровь дойдет
эта ведущая нас вперед
победная молния позывных!

Измаил, август 1944г.

ПОСЛЕДНИЙ ОТБОЙ

Вой сирены свистящ и режущ.
Рокошет вражеский самолет.
В электрический сумрак бомбоубежищ
девочка молча с куклой идет.
Она по камням стучит башмаками,
спокойная девочка.

В этот миг
гулками
медленными шагами
авиабомбы
идут над нами —
к Арбату от Каменного —
напрямик...

К рассвету лишь девочка услышала
голос диктора над собой:

«Угроза
воздушного нападения
миновала.

Отбой!»

...Скоро счастливый рассвет настанет,
когда сквозь вражеский бурелом

последний залп орудийный грянет
над последним
освобожденным селом.

И наш автоматчик
с гневом солдата
в последний войны напряженный час,
в последней атаке
из автомата
выстрелит в немца
последний раз.
И над чужою страню
росчерк
зенитки нашей
мглу рассечет:
последний
фашистский
бомбардировщик,
объятый пламенем,
упадет.

И русским женщинам
в их волнение
от радости
затуманит глаза
счастливая,
щедрая, как исцеленье,
последняя,
медленная слеза.

И люди
последний раз из подвала
выйдут.
И мир огласится трубой:
«Угроза
воздушного
нападения
миновала.
Отбой!»

Измаильская обл., г. Болград, 1944 г.

ПЛАЦДАРМ

Осадные ночи плацдарма;
атаки — волна за волной.
Получен приказ командарма —
держаться любой ценой.

На помощь идет переправа
под жарким крылом батарей.
Морава,
Морава,
Морава,
сомкни берега поскорей!

Пред немцами и устахами,
у чертова края реки,
по горло в земле,
под дождями,
под бомбами,
под снегами
работали наши полки.

Два дня
от огня
грохотанье
сужало надежд островок:
от немца до нас расстояние —
на добрый солдатский плевок.

Во тьме неокрепшей и хрупкой —
штык в штык.
На КП генерал
глухой телефонною трубкой
солдатский окоп подпирал.

Враги донимают гранатой,
вступает в работу приклад...
В седьмой батарее и в пятой
голодными пушки стоят.

Но вот навели переправу —
тревожный, спасительный нерв, —
лавиною через Мораву
на выручку хлынул резерв.

А следом металл и известье:
к побоищу трудной земли
снарядные ящики вместе
с московскою «Правдой» пошли.

Был натиск движенья неистов!..
Не раз я видал на войне,
как танк со статьей журналистов
вводили в прорыв наравне.

1944 г.

ПРОПАВШИИ БЕЗ ВЕСТИ

В далекой России,
в деревне под самой Калугой
(картина такая в его отразилась глазах),
вдоль тына,
тропинкой, слегка припорошенной вьюгой,
из школы мальчишка
в отцовских бежит сапогах.

Он входит в избу.
Раздевается. И деловито
хлопочет в избе.
А работушки — тьмуцая тьма!
И все у него
не забыто, сколочено, сбито:
отца-то ведь нет.
Без хозяина третья зима.

Он трижды под вечер
письмо начинает. И снова
садится за стол,
за который садился отец:
все хочет ребенок
порадовать папу родного,
что он уже в доме
помощником стал наконец.

Как радость ребенка,
что так глубока и так свята,
кто может понять ее —
мальчика нежно обнять?..
Я в Сербии встретил
в морщинах и шрамах солдата,
который бы смог
эту детскую радость понять.

Он был молчалив.
В нем тоска была жгучая скрыта
по родимой семье,
за которую он на войне
ходил в штыковую
с солдатами маршала Тито
на зимних планинах
в непокоренной стране.

Он верил, что будет он
с милою Родиной вместе,
что он, агроном,
неудачно начавший войну,—
крестьянин Титов,
калужанин, пропавший без вести,—
вернется домой
и обнимет детей и жену.

1944 г.

* * *

За окнами стужа.
Венгерская вьюга метет.
Мы в вилле помещика
молча сидим у камина.
Стреляют дрова.
А в углу о разлуке поет
в руках пехотинца
трофейная мандолина.

Мы все в этом доме
одною судьбою равны...
(Едва ли все это забудется
после войны.)

Тревожная ночь.
— Затяни-ка, дружок, «Ермака»,
ту песню,
с которой орловцы на Шипке сражались,
с которою мерзли под Плевною
наши войска,
но все-таки в дом свой
живыми они возвращались...

Венгрия, район озера Беленце, 1944 г.

ПЕРЕПРАВА ДУНАФЁЛЬДВАРА

Переправа Дунафёльдвара —
в двух минутах,
в трехстах шагах.

Древний дом лесника-мадьяра
от бомбежек —
в черных снегах.
Под убогим,
но прочным кровом
трех колен родовой старожил,
словно ворон в дупле дубовом, —
венгр-хозяин в том доме жил.
Он сидел у окна в волнение,
дни и ночи
не спал, не ел,
он в каком-то страшном мученье
все на правый берег смотрел...

Отдыхали у старца в доме
первый раз за четыре дня
в теплой дреме,
в глухой истоме
прикорнувшие на соломе
и курящие у огня
парни, видевшие тревоги,
люди Волги и Ангары.

Ледяные живые боги
крепко спали, раскинув ноги;
часовой стоял на пороге
в шубе инея и махры.

...До проклятья,
до огорченья
(водяного, что ль, колдовство?)
трижды мост срывало течение,
трижды в день наводили его.

Сколько раз разрывы сверкали,
оглушая гневный Дунай!
В километре —
по вертикали —
от Дуная передний край.
Самый жаркий участок фронта!

Каждый час
над проклятой водой
многотрубный рев мастодонта —
скоротечный воздушный бой.

Каждый час
в тревоге щемящей
мы следили: не сбит ли мост?
Каждый час
в высоте гремящей
поединки крестов и звезд.

А внизу, на воде, под ветрами,
и не думали о беде:
понтонеры с бревном,
с досками,
с автогенами,
со скобами,
с ледяными, как сталь, руками
дюйм за дюймом
шли по воде.

На плацдарме дыра сквозная,
и заткнуть ее — нет земли;
танки вражьи
рвались к Дунаю,
понтонеры навстречу шли.
Шли с таранною переправой
под огнем
в чугунном снегу...
Полыхали костры на правом
ожидающем берегу.

А в дому,
у окна,
в молчанье —
словно втиснуто на века —
бородатое изваянье
колдовавшего лесника.

И когда стволы,
и колеса,
и московские башмаки
разноскрипно,
разноголосе
из укрытий сошли с откоса,

поднял к небу лесник зрачки,
и, как будто страхнув усталость,
он чело осенил перстом:
половина еще осталась
милой Венгрии за мостом...

...Не забуду я,
не забуду,
помнить до смерти мне дано:
танки, рвавшиеся за Буду,
к Эстергому,
на Комарно,
интендантскую лихорадку
со снабжением на бегу,
и саратовскую трехрядку
в Будафоке,
на берегу,
и немецкого контрудара
бронированные толчки
к переправе Дунафёльдвара —
в направлении Дунай-реки,
поредевшие наши роты,
наши танковые полки,
их внезапные повороты
и стремительные броски.

Не забуду я
берег правый
и уральского «ястребка»
над тревожною переправой
и бессонницей лесника.

Венгрия, г. Дунавече, 1945 г.

ВСТРЕЧНОЕ ДЫХАНИЕ

Ни уходящих в небо крыш,
ни соблазнительных афиш,
ни коммунальных милых сцен,
ни разговоров
о сногшибательности цен
таксомоторов,

ни привокзальной суеты,
ни гвалта рынка —
здесь просто воздух, и цветы,
и кваса крынка.

Здесь мрак, летящий от холмов,—
жары спасенье
да избяное от громов
землетрясенье,

да улочкой бегущий скот,
да поединок
с гусиным клювом у ворот
сквозных дождинок,

да сумерек ночных вино —
его брожение,
да воробьиное в окно
зари вторжение...

Мы знали говор этих строк
стихов отменных
до первых фронтовых тревог —
дорог военных.

Глубокий гусеничный след
в моей долине:
он был вчера — сегодня нет
его в помине.

За эти радостей и бед
четыре года
суровой стала на сто лет
моя природа.

На ней лежит печать войны:
в закате клены.
Не пушками ль опалены
деревьев кроны?

Я узнаю, я узнаю,
и я объемлю
душою всей — ее, мою
родную землю.

Родную — с клеком журавлей,
с зарею свежей
озерных — в молниях траншей —
левобережий,

со взрытым бомбой большаком
в полях совхоза,
с простреленным насквозь дубком
у перевоза,

с бессмертьем горестных минут
пред ясным списком
имен стрелков, лежащих тут,
под обелиском,

с комбайном шумным на полях
державы хлебной,
с Уралом, рвущимся сквозь шлях
ковыльных гребней...

Я узнаю, я узнаю,
и я объемлю
душою всей — ее, мою
родную землю.

Ее. Мою.
Я вижу в ней —
в бессмертной тверди —
свет коммунизма, что сильнее
врагов и смерти!

1946 г.

**В СЕРИИ «БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» В 1981 ГОДУ
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

1. С. НАРОВЧАТОВ. Абсолют. *Рассказы.*
2. И. ФЕЙНБЕРГ. Упущенный черновик Пушкина. *Очерки.*
3. С. ВЫСОЦКИЙ. Реки Вавилона. *Рассказы.*
4. О. ЮЩЕНКО. Сердце матери. *Стихи.*
5. Л. ЮНИНА. Женщина в однокомнатной квартире. *Повести.*
6. А. ЛАУРИНЧЮКАС. Капли грязи и цветы дружбы. *Очерки.*
7. Д. ДЕМИН. Неоконченная повесть. *Басни.*
8. И. ШАТУНОВСКИЙ. Сундук бабушки Аграфены. *Фельетоны.*
9. Н. ГРИБАЧЕВ. А сами вы любили? *Стихи.*
10. В. БЕЛЕЦКАЯ. Гордость Отечества. *Очерки.*
11. Л. РЕШЕТНИКОВ. Сосновый бор зимой. *Стихи.*
12. Ю. ГРИБОВ. Поклон хлебу. *Очерки.*
13. Н. ШАТИЛОВ. На рейхстаг! *Мемуары.*
14. Б. БАЙКАБУЛОВ. Золотая колыбель. *Поэма.*
15. Н. ФЕДОРЕНКО. Краски Созопола. *Эссе.*
16. Л. ВАСИЛЬЕВА. Василиса. *Поэмы и стихотворения.*
17. Н. ХРАБРОВА. Остановки в пути. *Очерки.*
18. И. ЗОЛОТУССКИЙ. Душа и дело жизни. *Очерки о Гоголе.*
19. В. ЛОБАЧЕНКО. Русские хакимы в Эфиопии. *Повесть в рассказах.*
20. М. ТАНК. Стороны света. *Стихи.*
21. Ц. СОЛОДАРЬ. Ложь. *Публицистические очерки.*
22. А. КОВАЛЬЧУК. С тремя неизвестными. *Рассказы.*
23. О. МИХАЙЛОВ. Маленькая Наташа. *Рассказы.*
24. Ю. ПРОКУШЕВ. Вечный жанр. *Размышления о современной поэме.*
25. Г. МДИВАНИ. Неохотничьи рассказы.
26. М. АНДРИАСОВ. «Атоммаш» зовет! *Очерки.*
27. А. ОЛЬШАНСКИЙ. Любовь в Чугуеве. *Рассказы.*
28. Т. ТРОИЦКАЯ. Фронтное свидание. *Очерки.*
29. Н. КАЛИНИНА. Музыка может творить чудеса. *Очерк.*

30. В. ДЕМИДОВ. На расстоянии любви. *Стихи.*
31. И. САВЕЛЬЕВ. Требуется поэт! *Стихи.*
32. И. РАКША. А какой сегодня день? *Рассказы.*
33. Ю. ЗУБКОВ. Рисунки на асфальте. *Статьи.*
34. Я. КОЗЛОВСКИЙ. Как в молодости отдаленной. *Стихи.*
35. П. ПОПОВИЧ. Космонавтика — человечеству. *Очерк.*
36. Д. ЖУКОВ. За Терским хребтом. *Очерки.*
37. В. КУПЧЕНКО. Остров Коктебель. *Очерк.*
38. М. ШЕВЧЕНКО. Воронежский вечер. *Рассказы.*
39. Б. ЯВУУХУЛАН. Полдень. *Стихи. (Пер. с монгольского).*
40. Я. ЗИСКИНД. Фея на пенсии. *Юмористические рассказы и фельетоны.*
41. М. ИБРАГИМОВ. Сердце Мединэ. *Рассказы.*
42. Д. ХОЛЕНДРО. Плавни. *Повесть.*
43. В. БАНЫКИН. Баламут. *Повесть.*
44. А. ЧЕПУРОВ. О человеке надо говорить... *Стихи.*
45. Л. БОЛЬШАКОВ. Сенатор от штата Сорочинск. *Докум. повесть об А. Фадееве.*
46. М. ДУДИН. Сей зерно! *Стихи.*
47. В. ПРОНИН. Будет что вспомнить. *Рассказы.*
48. С. АБРАМОВ. Двое под одним зонтом. *Повесть.*
49. И. ЖУКОВ. Сквозь годы — и навсегда. *Очерк об А. Фадееве.*
50. Л. ЖАРИКОВ. Шахтерские зори. *Очерки.*
51. Е. ИСАЕВ. Вершины. *Очерки о Твардовском, Исаковском, Прокофьеве.*
52. А. НЕДОГОНОВ. Солдатам большого мужества. *Стихи.*

СОДЕРЖАНИЕ

Автобиография	3
Моя родословная	4
Воробей	6
Утверждение	7
Европа	8
22 июня 1941 года.	9
Тепло	9
Сестре Валентине	10
Мои сыновья	11
Тайна	12
Весна на старой границе.	14
Баллада о железе.	15
Солдатам большого мужества.	18
Баллада о позывных.	18
Последний отбой	20
Плацдарм	21
Пропавший без вести	23
«За окнами стужа...».	24
Переправа Дунафёльдвара	25
Встречное дыхание	27

Алексей Иванович Недогонов

СОЛДАТАМ БОЛЬШОГО МУЖЕСТВА

Редактор Ю. С. Новиков.

Технический редактор Е. Н. Щукина.

Сдано в набор 12.11.81. Подписано к печати 14.01.82. А. 00306. Формат 70×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,56. Тираж 100 000. Изд. № 3047. Зак. № 1607. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВЛАДЕЛЬЦАМ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ ПРЕДЛАГАЕТ СВОИ УСЛУГИ ГОССТРАХ

● Возмещение ущерба при повреждении или гибели средств транспорта в результате аварий, различных стихийных бедствий, а также при их похищении (угоне) обеспечивает договор страхования.

● Автомашины, мотоциклы, мотороллеры, мопеды, моторные, парусные, гребные лодки, катера и другие суда, находящиеся в личной собственности граждан, можно застраховать на год или более короткий период.

● Плата за страхование устанавливается в зависимости от вида транспорта и размера страховой суммы и вносится при заключении договора. Если годовой платеж превышает 30 рублей, то уплатить его можно за два раза: половину суммы — при заключении договора, оставшуюся часть — в течение 4-х месяцев после вступления договора в силу. Лицам, страховавшим средства транспорта более 2-х лет без перерыва и не допустившим за это время по своей вине аварии, предоставляется скидка в размере 10%, а более 3-х лет — в размере 15%.

● Ознакомиться с условиями страхования и оформить договор можно у страхового агента или в инспекции Госстраха.

Госстрах РСФСР